

призраками, созданными вашим воображением? Вы пишете, что, похваляя в П., убьете отца вашего. Не вѣрю, Marie! Много, много, если старик погрузится дней десятокъ, пока не получитъ отъ васъ письма, что вы уже обвѣнчаны и что я васъ не обманулъ. Чтобъ утѣшить старика, я готовъ буду приписать къ вашему письму, что угодно или даже написать къ нему особое письмо подъ вашу диктовку. Повѣрьте мнѣ, Marie, вы пугаетесь призраковъ; вы не можете выносить взглядовъ и возражений вашихъ родственниковъ—вотъ и все. Но неужели же мысль о вашемъ счастьи не даетъ вамъ силы быть слѣпою и глухою къ людямъ, которые, повѣрьте, не по участию къ вамъ, а по страсти мѣшались не въ свои дѣла, будутъ изливать свое неудовольствіе, что ихъ лишили любопытнаго для нихъ зрѣлища. Ахъ, Marie, Marie, если бъ вы знали, какъ болитъ моя грудь любовью къ вамъ и скорбію о васъ; если бъ вы знали, какъ мысль о васъ слилась со всѣмъ существомъ моимъ! И если я говорю съ вами иногда такъ рѣзко и бранчиво, вѣрьте, я бы никогда на это не рѣшился, если бы полнота и сила моего къ вамъ чувства не давали мнѣ на это право. Вы—милое дитя моего сердца, и мнѣ иногда нѣтъ силъ не бранить васъ, а потому нѣтъ силъ не жалѣть о васъ и не сердиться на себя. Я ничего не могу дѣлать для журнала, все думая и мечтая о васъ. И больной, въ огнѣ лихорадки, я ни на минуту не переставалъ думать о васъ, и не за себя, а за васъ беспокоился моимъ положеніемъ и страшился его. Я живу вашей жизнью, ваша скорбь—отрава моей жизни, ваша смерть—моя смерть. И что же, за все это вы убиваете себя пустыми сомнѣніями, пустою борьбою, вредите своему здоровью и налагаете печать страданія на ваше лицо, которое должно сіять счастьемъ и быть прекрасно его блескомъ. О, нѣтъ, Marie, вы жалитесь надо мною, отгоните отъ себя чернаго демона и перестанете колебаться между мною и мнѣніемъ людей, близкихъ вамъ только формально? Не правда ли? Вы отвѣтите мнѣ на это письмо, что рѣшились вѣхать, и что это рѣшеніе не мучить, а веселить васъ? О, Marie, тогда дай Богъ не сойти мнѣ съ ума отъ радости! Отвѣчайте мнѣ скорѣе.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Окт. 15-го.

Сегодня почему-то ждалъ я отъ васъ письма, рано поутру, письма, посланнаго вами, какъ мнѣ казалось, въ понедѣльникъ; но вотъ уже 10 часовъ, и его нѣтъ, и я перестаю ждать. Мнѣ тяжело, невыносимо тяжело. Ко всѣмъ другимъ причинамъ моего страданія присовокупилась новая: это—воспоминаніе о грубомъ и жесткомъ тонѣ моихъ писемъ, который долженъ оскорбить, огорчить васъ, когда вамъ и безъ того тяжело. Меня ужасаетъ мысль, что, можетъ быть, звѣрскія письма мои сильно подѣйствуютъ на ваше здоровье. О, я звѣрь, родился звѣремъ—имъ и умру. Но мое звѣрство скоро смѣняется человѣческимъ расположеніемъ, и тогда я изъ одного мученія перехожу въ другое. Marie, другъ мой, о, простите меня, если я огорчилъ васъ, забудьте это, изорвите мои несчастныя письма, и помните только одно, вѣрьте только одному, что я люблю, глубоко и сильно люблю васъ. Одумавшись, я появлять, что требовалъ отъ васъ слишкомъ много, былъ къ вамъ несправедливо строгъ. Ваша слабость

теперь понятна мнѣ, и я отъ всей души извиняю васъ въ ней. Поживя со мною, вы на многое будете смотрѣть иначе и во многомъ будете поступать иначе; но теперь—какъ винить васъ за то, что дышите тѣмъ воздухомъ, который окружаетъ васъ, а не тѣмъ, который далекъ отъ васъ. Сегодня видѣлъ я во снѣ, будто вы пріѣхали ко мнѣ. Я былъ бы счастливъ, очень счастливъ, если бы сонъ мой сбылся; но ваше спокойствіе, ваше здоровье дороже мнѣ всего, и вы поступайте свободно, не принуждая себя. Зимой мнѣ рѣшительно невозможно будетъ пріѣхать; придется подождать до весны. Такъ или сякъ, только будьте здоровы и спокойны,—здоровье и спокойствіе всего нужны вамъ.

Боже мой, что со мной дѣлается! Меня мучитъ злой духъ. Не могу вспомнить о моихъ письмахъ безъ жгучаго щемленія въ груди. Вечеромъ страшно ложиться спать, и прежде чѣмъ засну совсѣмъ, не разъ забудусь и не разъ проснусь, вздрагивая. Тяжело. Неужели я надѣлалъ дѣлъ моими письмами? О, Боже, страшно подумать. Отвѣта на эти два письма буду ждать въ пятницу и субботу (22, 23), а на это въ воскресенье (24),—и если изъ отвѣта на это письмо увижу, что я опасался напрасно, что мои проклятыя письма не подѣйствовали на ваше здоровье, о, я съ ума сойду отъ радости. Сегодня никакъ не думалъ писать къ вамъ, и схватился за перо прежде, чѣмъ понять, зачѣмъ это дѣлаю. Это было какимъ-то вдохновеннымъ порывомъ.

Больше писать нечего. Вы поймете, что бы еще могъ или хотѣлъ сказать я. Прощайте. Храни васъ Господь, а мои обѣты и молебны за васъ неотлучно съ вами, равно какъ и мысль моя.

Вашъ В. Бѣлинскій.

Сердце не обмануло меня: только что полѣзъ, было, я въ ящикъ за конвертомъ, чтобы запечатать это письмо, какъ получилъ ваше. Ахъ, Marie, Marie, вы меня не понимаете, или не хотите понять: не грѣхъ ли вамъ думать, что я лгу передъ вами, обманываю васъ, увѣряя васъ, что не могу къ вамъ пріѣхать? И не могу я къ вамъ пріѣхать совсѣмъ не по боязни шутовскихъ церемоній, которыхъ—я вѣрю вамъ—не было бы теперь, если бы я пріѣхалъ. Не могу я къ вамъ пріѣхать по тому же самому, почему часовой не можетъ сойти съ своего поста, хотя бы отъ этого зависѣло счастье всей его жизни. Я опять-таки несогласенъ съ вами, чтобы такое важное дѣло было пріѣхать вамъ въ Петербургъ. Никто съ этимъ не согласится, но спорить съ вами не буду, ибо чѣмъ же вы виноваты, что все жили въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ? Застать меня на столѣ—дѣло не вѣроятное и не невозможное; это было бы для васъ страшнымъ несчастіемъ, но неужели въ Москвѣ черезъ это теряются права на уваженіе? Какой же это гнусный, подлый и киргизъ-кайсакскій городъ!

Если вы одна пріѣдете въ Петербургъ и потомъ кого-нибудь и когда-нибудь встрѣтите изъ московскихъ, который посмотритъ на васъ такъ, что не поздоровится отъ этого взгляда, то увѣряю васъ, что мнѣ будетъ не больно, какъ вы пишете, а только смѣшно, и я буду объ этомъ рассказывать съ хохотомъ всѣмъ моимъ знакомымъ, чтобы и ихъ заставилъ хотать. Ахъ Marie, Marie, какъ вы будете смѣяться надъ этими опасеніями, когда будете моею женою и почувствуете себя въ другой совершенно сферѣ петербургской жизни, гдѣ на